

Изъ Записной книжки „Русснаго Архива“.

На балѣ у Ла-ферроне всѣ и даже самъ Государь были въ мундирѣ и въ лентѣ; одинъ Пушкинъ былъ во фракѣ. Онъ проходилъ близко мимо Государя. Государь остановилъ и спросилъ его: кто ты такой? „Я Пушкинъ“. Я не знаю, кто ты такой?— „Я дворянинъ Пушкинъ“. —Вздоръ! Если-бы ты былъ дворяниномъ, ты бы явился въ дворянскомъ мундирѣ; ты видишь, всѣ въ мундирахъ, ты одинъ во фракѣ.

*

Въ 1852 году близъ Краснаго Села было собрано на парадъ до 60 т. войска. Погода стояла отличная. Солдаты въ новыхъ одеждахъ. Блескъ и великолѣпіе. Приглашенные иностранцы глядятъ на величіе Россіи. Государь съ блестящею свитою красовался передъ всѣми. Вдругъ нашло облако, и полилъ дождь, какъ изъ ведра. Мгновенно видъ измѣнился: мокрые мундиры, веселое движеніе. Находившійся въ свитѣ молодой фл.-адъютантъ И. С. Уньковскій слышалъ, какъ Государь воскликнулъ: „ну это ужъ не я виноватъ, это свыше!“ К. И. Петоминъ, бывший подлѣ него, шепнулъ ему: „Каково!“

Это напоминаетъ про вопросъ Николая Павловича Кюстиню, когда онъ вывелъ путешественника на балконъ Зимняго Дворца: „N' est-ce pas que mon temp est bon?“ *)

Пушкинъ говорилъ про Николая Павловича: „Хорошъ, хорошъ; а на тридцать лѣтъ дураковъ наготовилъ!“ Можно бы прибавить: „и нигилистовъ, по неволѣ, прародителемъ былъ“.

Припомнимъ еще отзывъ Пушкина (1833) о Николаѣ Павловичѣ въ письмѣ къ Погодину: „Извините (его) великодушно, Онъ литераторъ не весьма твердый, Хоть молодецъ и славный царь.“

*) Не правда ли, что у меня погода хороша?